

УДК 141.4

К.М. Магомедов

Некоторые гендерные и антропологические проблемы рациональной теологии

Дагестанский государственный университет; magomedov49@mail.ru

В статье раскрываются некоторые гендерные аспекты в религии и теологии, проводится сравнительный анализ христианских, исламских и других канонов в понимании человека вообще, мужчины и женщины в частности.

Ключевые слова: *андрогин, гендер, матриархат, патриархат, маскулинный, феминный, Лилит.*

The article reveals some gender aspects of religion and theology. It carries out comparative analysis of the Christian, Islamic and other canons in the understanding of man in general as well men and women in particular.

Keywords: *androgynе, gender, matriarchy, patriarchy, masculine, feminine, Lilith.*

Вначале хочется поделиться своими жизненными наблюдениями. Автору этих строк, достаточно долго прожившему в Украине и не понаслышке знающему славянскую и христианскую культуру и религию, бросается в глаза одна отличительная особенность ислама. Христианство и иудаизм пусть редко, но выдвигают своих блестящих философов и богословов, способных модернизировать каноны, приспособить их к реалиям своего времени. Среди современников можно назвать Андрея Кураева, который, не отказываясь от основных и фундаментальных христианских догматов, использует оригинальные герменевтические механизмы, способствующие пониманию глубинных религиозных реалий в век сциентизма. Исламу, на наш взгляд, не хватает таких мыслителей. Поэтому он остается, как правило, на культово-обрядовом уровне, на уровне «это можно, а это нельзя». Вне модернизации невозможно эффективное «вхождение» исламской идеологии в мировую цивилизацию и комфортное сосуществование в век мультикультурализма. Без этого исламская культура и ее этнические носители попадают в категорию «неисторических» культур и народов, о которых говорил Гегель. Ислам находится как бы в стороне от модернизационных механизмов и процессов, стекающихся в единое общечеловеческое русло.

Исламская идеология никогда не находилась в сфере интересов каких-то серьезных философских школ. Основные философские центры (Греция, Китай, Индия, Византия) были достаточно далеки, а язычество типа зороастризма не доросло до серьезных философских обобщений. И в настоящее время ситуация ничуть не изменилась. Исламское богословие никогда не отличалось философской глубиной, а потому было не в состоянии эффективно отвечать на основополагающие запросы времени. Поэтому настоящую статью автор рассматривает как робкую попытку приспособления некоторых теологических догматов к современным культурно-историческим реалиям.

Прежде всего, чтобы определить цель статьи и настроить читателя на соответствующую волну, одним абзацем укажем на суть гендерной проблематики, поскольку многие путают ее с феминистской. Феминизм – социально-политическое явление, направленное на восстановление фактического равноправия женщины во всех сферах общественной жизни. Он не имеет к философии непосредственного отношения. В гендерной же проблематике речь идет о теоретическом, философском анализе культурных

эпифеноменов, закрепляющих на определенном историческом этапе те или иные социально-экономические и духовные реалии. Неслучайно сам термин *гендер* буквально означает «социальный пол». Оказывается, полом наделяются не только флора, фауна и человек – это характеристики всей культуры. На основе действия множества идентификационных общественных механизмов, реальных и символических, выделяются маскулинные (мужские) и феминные (женские) составляющие культуры в зависимости от того, какое начало в них доминирует. Таким образом, гендер выступает как социально-культурный конструкт, надстраивающийся над биологическим, физиологическим полом и определяющий основные модели поведения, психологические особенности и виды деятельности человека.

Когда мы говорим о конституционно закрепленном равенстве мужчины и женщины, то имеем в виду феминистский аспект проблемы, тут не должно быть никакой асимметрии: все люди равны перед Богом и законом. Что же касается гендерного неравенства (асимметрии), то это обязательный атрибут общества на любом его историческом этапе и в любом проявлении. Поэтому он, как и любой мировоззренческий вопрос, не должен носить политической и оценочной окраски. Это чисто теоретическая и культурологическая конструкция и символическая форма, не говорящая о преимуществах или недостатках того или иного общества.

Для большинства традиционных культур, особенно тех, которые стали основой современного менталитета, характерен андроцентризм (фаллоцентризм) – тип мировоззрения и мироощущения, по которому этот мир больше приспособлен к более сильному и более творческому началу – мужчине. Это обстоятельство выразилось уже в том, что во многих культурах и языках (к примеру, в украинском) понятия *человек* и *мужчина* имеют один и тот же смысл. Да и многие профессиональные тезаурусы (к примеру, в медицине) под человеком, как правило, подразумевают мужчину и изображают его на своих иллюстрациях. Это связано с тем, что начало формирования самосознания приходится на патриархатный тип социально-экономических отношений. Хозяйственно-экономическое доминирование мужчины в повседневном укладе должно было обязательно сопровождаться и определением его в центр всего духовно-мировоззренческого устройства. На этой базисной основе формируется и надстроечная культурно-символическая форма мироощущения, по которой мужское кодируется как преимущественно рациональное, духовное, божественное, культурное, а женское – как чувственное, греховное, телесное, природное и т. д.

Если же проанализировать более древние мифологемы, приходящиеся на матриархальные отношения, то в них гендерная асимметрия построена на социально-экономическом и духовном доминировании женщины. Например, в центре вавилонской истории находится женское божество – Тиамат. Царь Мардук со своими сыновьями соперничают с ней, хотят сместить с пьедестала, и это им, в конце концов, удается. В этих мифах Мардук должен доказать свое превосходство и таким образом победить в соревновании женское божество. Он должен показать, что силой слова может разорвать и восстановить одежду женщины. Как отмечает Э. Фромм, возможно, это испытание покажется нам в какой-то мере безрассудным, однако оно выражает сущностный момент. Превосходство женщин выражалось явно в одном: они могли творить себе подобных, производить на свет детей, чего не могли мужчины. Попытка мужчин свергнуть с престола женщин связана с их претензиями на то, чтобы научиться творить, создавать и разрушать вещи, но не естественным способом, как это делали женщины, а посредством слова и духа. Библейский миф о сотворении мира начинается там, где заканчивается вавилонская история. Бог творит мир посредством слова, чтобы подчеркнуть пре-

восходство патриархатной культуры над матриархатной, и библейская история сообщает нам о происхождении женщины (Евы) из ребра мужчины (Адама), а не мужчины от женщины [8, с. 8].

Если же взять еще более древние мифологемы, приходящиеся на общества с еще не сформировавшейся полоролевой и гендерной асимметрией, то в них несколько иная картина мироздания. Например, в индуизме Бог не имеет ни мужского, ни женского начала, а всепроникающий и всеобъемлющий Брахма может воплощаться в разные образы – мужские, женские и даже в животных. Отсюда безграничная сущность Брахмы может и должна проявляться в образе миллионов богов и богинь, которые и позволяют постичь, познать какие-то грани Его сущности, в принципе непознаваемые и непостижимые. Может быть, именно поэтому у многих богов есть супруги. Например, супруга Брахмы Сарасвати, считающаяся богиней знания, пользуется среди верующих даже большей любовью, авторитетом и почитанием, чем сам великий супруг.

Для многих древних культур боги характеризуются двуполостью. И древнеиндийский бог огня Агни, и его скандинавский «коллега» Локки, и древнеармянский бог солнца Арэв, и египетский бог Атум, и его внуки Осирис и Сет, и многие другие были андрогинами.

Таким образом, становится очевидной неразрывная связь символики пола и различных типов культур. Каждая из них вносит свои нюансы в эту полоролевою архитектуру. Например, в православной культуре и русской философии ставятся несколько иные культурно-исторические акценты: то, что на Западе ассоциируется с маскулинным началом (божественное, духовное, истинное), в русской культуре ассоциируется – через категорию любви – с женским началом. Но это не означает, что у них женское начало оценивается выше мужского. Представления о феминности (софийности), как, впрочем, и некоторые иные понятия, носят крайне абстрактный характер. Это скорее аллегория, чем категория, скорее моральное наставление, чем концепция [7, с. 743].

В связи со сказанным следует отметить, что хотя все религии, откровения и теологии дружно утверждают недопустимость переноса гендерных характеристик на Бога и его атрибуты, тем не менее, маркированность Его, хотя бы средствами грамматики, через маскулинные составляющие очевидна. Это проявляется уже в том, что в христианстве все три составляющие божественной Троицы (Бог Отец, Сын и Святой Дух) представляют собой маскулинные знаки, мужские символические формы.

Маскулинный характер исламской религиозной культуры выражается еще более рельефно. Если в иудаизме и христианстве женские персонажи периодически появляются, особенно в наиболее ответственные моменты евангельских историй, то в Коране таких моментов почти нет. Как подсчитали дотошные исламоведы, в Коране действуют 24 женских персонажа (Ева, Марьям, Анна и др.), но они не несут самостоятельной содержательно-смысловой нагрузки и, как правило, приводятся для иллюстрации того или иного морального, правового или иного постулата. К тому же, большинство из них перенесено из других религий и мифологем; собственных же персонажей-женщин в исламе можно посчитать по пальцам. Это во-первых.

Во-вторых, известно, что в Книге Бытия Библии в двух первых главах излагаются совершенно разные версии творения человека, мужчины и женщины. В первой главе рассказывается, как сначала Бог создал небо и землю, отделил свет от тьмы, собрал воду под небом в одно место, и явилась суша. И сказал Бог: да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя, дерево плодовитое. Потом он создал светила на тверди небесной; в пятый день творения Бог создал рыб и птиц и всякую тварь. На шестой день Бог сначала создал всех земных животных, а потом сотворил по своему образу и подобию лю-

дей – мужчину и женщину одновременно. Это становится очевидным уже потому, что Бог обращается к ним во множественном числе, т. е. человек – последнее из созданных существ, живущих на Земле, причем и мужчина, и женщина одинаково и в равной степени отражают величие их божественного оригинала. О «ребрах», откровенно намекающих на вторичность, второстепенность и производность женщины уже по акту самого творения, нет и речи.

Во второй же главе Книги Бытия представлен несколько иной порядок творения мира и человека. В ней рассказывается, что после создания земли и неба Бог сотворил из праха земного человека в образе мужчины, потом всех животных и только в заключение – женщину. «Господь Бог образовал из земли всех животных полевых и всех птиц небесных и привел (их) к человеку, чтобы видеть, как он назовет их, и чтобы, как наречет человек всякую душу живую, так и было имя ей. ...И нарек человек имена всем скотам и птицам небесным и всем зверям полевым; но для человека не нашлось помощника, подобного ему. ...И навел Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребер его и закрыл то место плотию. ...И создал Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку. ...И сказал человек: вот, это кость от костей моих и плоть от плоти моей; она будет называться женою, ибо взята от мужа (своего)» [1].

Таким образом, в первой главе Бог творит по восходящей линии (подобно эволюционной теории), мужчина и женщина занимают исключительное место в акте творения; во втором же рассказе события как бы разворачиваются по нисходящей линии – от мужчины к низшим животным, и, наконец, Бог творит женщину. Таким образом, женщина знаменует собой самую низшую ступень божественного творчества.

Как могло получиться, что буквально на нескольких страницах анонимный библейский автор мог изложить две совершенно разные версии творения человека? Почему последующие издатели и редакторы даже не попытались снять существующие разночтения? Мы пытались рассмотреть этот вопрос и пришли к выводу, что эти версии представляют собой документы, составленные в различные периоды и противоречиво соединенные неким неизвестным автором [6, с. 85–96].

Приведем другую аргументацию. Скорее всего, первой анонимной женщиной, действующей в первой главе, была не Ева, а другая, которую в древнееврейской мифологии зовут Лилит. Эту первую жену Адама Господь слепил из красной глины и наделил пышными огненно-рыжими волосами. Все бы ничего, да вот буквально на второй день творения она начала требовать равенства с мужчиной, поскольку она, как и мужчина, была создана из той же красной глины. Господу это чрезвычайно не понравилось, и Он решил пересмотреть свое творение и создать другую, более покладистую женщину. Для этого он усыпил Адама, взял у него ребро и сотворил любимое свое детище, ставшее матерью всего человечества, как это написано во второй главе Книги Бытия. У Гете сам Мефистофель советует Фаусту остерегаться чар рыжей обольстительницы: «Берегись жены Адама. Берегись косы ее касаться: Коса – ее единственный убор. Кого она коснется, тот с тех пор прикован к ней, не может с ней расстаться» [2, с. 112].

О том, что первой женщиной была вовсе не Ева, упоминается во многих культурах. Даже сами иудеи чуть ли не официально признают первой женой Адама именно Лилит. Например, в главной книге Каббалы – Зогар, написанной во II в. до н. э., и в Торе, составленной в VI в. до н. э., говорится о демоне Суккуб, которая и есть Лилит. В важнейшем памятнике древнееврейской мифологии – алфавите Бен Сира – с именем Лилит связывается первая в истории человеческая супружеская измена, поскольку она променяла Адама на одного из демонов. Эта коварная обольстительница упоминается и в древнейшем памятнике шумерского эпоса «О Гельгаме». Говорят, что еще сохрани-

лись обряды, заклинания, амулеты, предназначенные для защиты детей от этой коварной женщины.

В знаменитом кукольном театре Сергея Образцова в спектакле «Божественная комедия» талантливо и с юмором раскрывается образ этой Лилит, отлично сознающей коварную силу своей красоты и ее власть над мужчиной. В спектакле выведенный из себя Создатель отрывает Лилит-кукле руки и ноги и возвращает ее в исходное состояние первобытной глины и тут же создает кроткую и покорную Еву, согласную исполнить любой мужской каприз. Примечательна главная сценическая идея спектакля – это ощущение адамовой грусти и тоски по коварной Лилит и, наоборот, скуки с новой, заботливой и исполнительницей женой Евой. Как не вспомнить знаменитую фразу из замечательного фильма «Мужики»: «Почему мы, мужики, одних любим, а других замуж берем?»

Необходимо отметить, что образ рыжеволосой ведьмы Лилит перекочевал в европейскую культуру, и если хотят, особенно в киноискусстве, изобразить коварную обольстительницу, амазонку или злого духа, часто изображают ее рыжеволосой женщиной.

Получилось так, что именно вторая библейская версия, положившая начало многовековой дискриминации женщины в культуре, восторжествовала в религиях мира. Она, а не первая версия, была поддержана в коранических рассказах исламом по достаточно известным социально-экономическим и общественно-политическим соображениям. Хотя по логике здравого смысла изложенная в первой главе версия была бы более привлекательной, поскольку она исходила из принципа равноправия полов, хотя бы в вопросах творения. Иначе противоречие очевидно: с одной стороны, привлекательность ислама – в признании равенства людей перед Богом, с другой стороны – изначальное каноническое половое неравенство в творении.

Хотя история, особенно религиозная, не терпит никакого сослагательного наклонения, осмелимся утверждать, что если бы в исламской идеологии была принята другая версия творения человека, отмеченная в первой главе Книги Бытия, то она более эффективно и комфортно вписывалась бы и в логику, и в здравый смысл, и в современные общедемократические и гуманитарные процессы.

Укажем на некоторые коранические особенности акта божественного творения человека.

Во-первых, в кораническом рассказе о сотворении первых людей отсутствует создание Евы из ребра Адама. О нем говорится только в одном из хадисов. Может быть, поэтому метафизические споры о вторичности женщины в исламе не достигали такого накала, как в христианстве, когда на вселенские соборы выносились вопросы: является ли женщина человеком, имеет ли она душу? Ей не дозволено ни учить (святой Павел), ни свидетельствовать, ни судить (Августин Блаженный).

Во-вторых, в коранической истории о грехопадении не указывается на инициативную роль Евы в нарушении Божьего запрета вкушать от древа познания добра и зла, поскольку она первая уступила искушению Сатаны. Таким образом, она не является искушительницей и соблазнительницей, как в иудаизме и христианстве.

В-третьих, исламу совершенно чужда мысль о первородном грехе как о великом преступлении, которое субстанционально изменило природу людей всех времен и поколений. Именно поэтому в исламе нет необходимости в появлении мессии, спасителя.

В-четвертых, в Коране несколько иначе оцениваются те последствия, которые следуют из грехопадения. Скажем, не является карой за первородный грех, чтобы своим трудом обеспечивать себя и семью, в поте лица выращивать хлеб. Наоборот, как сказано у Пророка, «есть иные грехи, искупить которые можно только усилиями по добыче

пропитания», «трусами по обеспечению семьи». В исламе «рождение детей в муках» не представляется карой небесной, а наоборот, являет собой акт величайшего самопожертвования. Поэтому, как гласит хадис, каждый раз, когда женщина страдает в родовых муках, ей засчитываются награды как Божьей мученице и прощаются все прежние грехи, сколько бы их ни было. А если женщина скончается при родах, она пробудет в раю до воскресного дня, когда воссоединится со своим мужем, превосходя в 70 раз райских дев – гурий.

В-пятых, в Библии Адам – первый человек и только. В Коране же он называется еще одним из пророков. Он первый из 28 пророков, выбранных Аллахом для направления всего человечества на путь праведной веры. Богословы отмечают пять обязательных качеств, которыми наделены особи, обладающие статусом пророков: правдивость, верность, способность передавать предписания и запреты Всевышнего, ум, чистоту нравов. А раз так, то недопустимо связывать действия Адама с грехопадением всего человечества. Что-то одно: он или Пророк, или инициатор и соавтор вселенского человеческого грехопадения.

В-шестых, в христианских и исламских источниках есть разночтения по поводу количества детей у Евы. По Книге Бытия она родила троих: Каина, Авеля и Сифа. Из хадисов же следует, что она рожала 20 раз; при этом каждый раз, кроме последнего, на свет появлялись близнецы, то есть она родила 39 детей.

В исламе и других религиях отмечаются различные подходы к вопросу о степени богоподобия человека. В иудаизме и христианстве человек – единственное существо, сотворенное Богом по своему образу и подобию. Известно, что ортодоксальный ислам с его абсолютным монотеизмом категорически отрицает всякое уподобление человека Аллаху. Если следовать этому постулату, то мы должны отказаться от ряда аятов и хадисов, где прямо указывается на богоизбранность и богообразность человека.

По этому поводу необходимо сделать одно важное замечание. Неслучайно этот вопрос наиболее неоднозначно интерпретируется во всех переводах Корана. Например, в переводе И.Ю. Крачковского известный фрагмент 64-й суры звучит так: «Он... дал вам образ и прекрасно устроил ваши образы. И к нему возвращение!» [4, с. 459]. В переводах В. Пороховой слово *образ* заменено на *форму*: «...Дал форму вам и виды ей прекрасные построил. К Нему лежит и ваше возвращенье» [5, с. 576]. Нам представляется, суть мысли от этого меняется в незначительной степени (образ Бога или форма Бога).

Путем выхода из этого мировоззренческого тупика является различие самих понятий *богоподобие* и *богообразность*. Как отмечается в исламской богословской литературе, человек вознесен над всеми творениями, включая и метафизический мир, в частности ангелов. Этот тезис сопрягается с идеей сообразности Аллаха и человека согласно известному хадису «Воистину Аллах сотворил Адама по Своему образу». Понятно, что здесь речь идет не только о первочеловеке, но и о человеке вообще, всех рожденных и предполагаемых в будущем потомках Адама. В этом нет никакого противоречия с канонами ислама, по которому недопустимо подобие человека Богу.

Вывод о богообразности человека, согласно этой позиции, вытекает из наместнической миссии человека на Земле, вытекающей из буквы и смысла Корана. Следовательно, как отмечает Ибн-аль-Араби, «нет никакого достойного наместника от Аллаха, кроме этого наместника, который есть человек, поскольку этот тварный наместник есть по образу Того, Кто назначил его на наместничество, и в нем сосредоточились все потенциальности всех существ... человек бытийствует в наилучшем образе, подобном наилучшему Создателю бытия» [3, с. 36].

Таким образом, выход из этого мировоззренческого и даже канонического тупика может быть двояким: или признать нашу редакцию различения понятий богоподобия и богообразности, или признать подобно евангелическому христианству апокрифические версии первоисточников, аятов и хадисов, в которых возможны неистинное содержание, несоответствия Корану.

Еще один важный аргумент в пользу концепции богообразности человека в исламе является обстоятельство, без которого основополагающая для ислама идея равенства людей перед Аллахом будет только пустым звуком: идеи богообразности человека и равенства людей перед Богом не могут существовать друг без друга. Это примерно как в христианстве: идея равенства людей прямо вытекает из богоподобия и богообразности человека.

Отсюда вытекает еще одно методологическое затруднение. Особенность ислама еще в том, что в нем признается прямой диалог человека и Аллаха. Именно в этом проявляется вся мощь ислама как монотеистического учения, не признающего никакого дуализма. В Коране дано все содержание божественного закона и поэтому исключается возможность всякого посредничества. Но если, подобно догматическому исламу, не признавать никаких посредников между Аллахом и тварным миром, мы приходим к неразрешимому мировоззренческому и логическому тупику. Как же человек может исполнять наместнические функции, которыми его наделил Аллах, если он не является посредником между Творцом и сотворенным? Другими словами, нет наместничества без посредничества, а посредничества без наместничества.

Хотя каноническое богословие не признает института посредничества между Аллахом и человеком, в обыденном сознании нередки попытки представить Мухаммада в подобной роли. Такая же посредническая миссия присутствует в суфизме. Суфии – люди, наделенные особенной божественной благодатью, приближенные к Аллаху и потому наделенные полномочиями выступать посредниками между Аллахом и простыми верующими.

Литература

1. Библия. Книга Бытия, 2:22, 23. – М.: МАР, 1991.
2. Гете И.В. Фауст. – М.: Детская литература, 1996.
3. Ибн аль-Араби. Мекканские откровения. Введение. – СПб, 1995.
4. Коран / пер. с араб.акад. И.Ю. Крачковского. – М.: ИКПА, 1990.
5. Коран / пер. смыслов и коммент. В. Пороховой. – 3-е изд. – Б. м., 1997.
6. Магомедов К.М. Происхождение человека в контексте рациональной теологии // Исламоведение. – 2013. – № 1 (15).
7. Философия: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. В.Д. Губин и др. – М.: ТОН-Остожье, 2001.
8. Фромм Э. Мужчина и женщина. – М.: АСТ, 1998.

Поступила в редакцию 27 декабря 2013 г.